

А. А. Ярлыкапов

**«ИСЛАМСКОЕ ГОСУДАРСТВО» И СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ
В БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ: ВЫЗОВЫ И УРОКИ ДЛЯ РОССИИ***

Ярлыкапов Ахмет Аминович, канд. ист. наук, ст. науч. сотр.
Центра проблем Кавказа и региональной безопасности
Института международных исследований МГИМО МИД России.
E-mail: itbal@mail.ru

Аннотация

В статье в контексте событий на Ближнем Востоке рассматривается влияние «Исламского государства» (ИГ) на ситуацию на Северном Кавказе. Анализируются последние тенденции развития ислама в России и в мире в целом, вызовы со стороны ИГ для России, сформулированы рекомендации по снижению угроз безопасности нашей страны.

Ключевые слова: ИГ, халифат, джихадизм, Северный Кавказ, ислам, Ближний Восток, салафизм, «Имарат Кавказ», «Вилаят Кавказ».

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект №14-03-00511 (руководитель – А. А. Ярлыкапов), а также проект №15-31-11109 (руководитель – В. А. Тишков) и написана на основе доклада, прочитанного автором на первом заседании научно-практического семинара: «Кавказ в прошлом и настоящем (общество и политика, экономика и культура)», г. Москва, МГИМО МИД России, 24 ноября 2015 г.

Ислам – одна из четырех издавна распространённых на территории России религий. В отличие от многих европейских стран, где доля исламского населения прирастает за счёт мигрантов, сообщества российских мусульман являются исконными, имеют чёткую географическую привязку и глубокие этнические традиции. В числе таких сообществ – татары, второй по численности народ Российской Федерации, башкиры, крымские татары, народы Северного Кавказа, а также представители народов Средней Азии и Казахстана, находившихся долгое время в орбите Российской империи, а затем и СССР. Несмотря на то что основные центры исламской религии расположены за пределами России, мусульманская община нашей страны, за исключением советского периода атеистического господства, никогда не представляла собой глубокую провинцию исламского мира. В целом населённые мусульманами регионы страны развивались динамично и самобытно, не теряя при этом связей с Ближним Востоком. В XX в. российская мусульманская община вступила под влиянием реформаторских идей и перспектив. Советский эксперимент резко изменил эту ситуацию: начались широкомасштабные репрессии против мусульманских религиозных деятелей и институтов, община была практически лишена возможности общения с единоверцами по всему миру.

Постсоветский период ознаменовался не столько возрождением ислама, сколько реисламизацией, так как во многих регионах исламские институты были окончательно разрушены, а сама религия представлена лишь на бытовом уровне. Резкое снижение роли местных исламских центров усилило влияние иностранных, в первую очередь ближневосточных. Этот процесс объективно нарастал в течение второй половины XX – начала XXI вв. в связи с активизацией универсалистских тенденций и поисков «чистого ислама». Соответственно, многие процессы, развивающиеся на Ближнем Востоке, неизбежно находят отражение среди российских мусульман.

Поэтому важно смотреть на российский ислам в контексте того, что происходит в ближневосточном регионе. Это позволяет лучше понять процессы, происходящие в российской мусульманской общине, сравнивая их с теми тенденциями, которые мы наблюдаем в арабо-мусульманском мире. Даже в Советском Союзе мусульмане, жившие за «железным занавесом», откликнулись на то, что происходило в исламском мире. В частности, на Северном Кавказе еще в 1970-е гг. появилась группа «ваххабитов», что совпало с ростом влияния политического ислама и проникновением салафизма за пределы стран Залива [см.: 1, с. 84–91]. Ближний Восток в значительной мере хранит ключи к пониманию складывающейся сегодня в России исламской мозаики, радикализации и политизации некоторых общин, духовных и идейных исканий и заблуждений, распространившихся среди современных российских мусульман.

Также важно смотреть на то, что происходит на Ближнем Востоке сквозь российскую призму — ведь мусульмане нашей страны уже стали неотъемлемой частью глобальной исламской общины и активно участвуют в её делах. Нестабильность и резкие изменения, которые происходят на Ближнем Востоке — в политической, идейной, религиозной сферах — напрямую затронули и российскую часть исламской уммы. В том числе и поэтому Россия сегодня активно участвует в разрешении конфликтов в этой стратегически важной части мира [4].

На Ближнем Востоке турбулентность возникает по разным причинам, но со второй половины XX в. всё большую роль играет религия, конкретно — всё более политизирующийся ислам.

За последние два десятилетия стремительно набирает обороты новое явление — исламский универсализм, или так называемая «исламская глобализация». Используя технические достижения западной цивилизации, мусульманские «универсалисты» стали усиленно продвигать свой собственный проект в пику глобализации, ведомой западными странами.

Локомотивом этого движения являются представители разношёрстной фундаменталистской группы салафитов. Главная идея — стремление к единому исламу, отрицание «мазхабов», то есть самостоятельных направлений и течений, призыв не делиться, а прийти к единообразной форме ислама, на примере общины времен Пророка и четырёх «праведных» халифов. Это неминуемо ведёт салафитов к конфликту с местными исламскими лидерами, а также с этническими лидерами, которые видят в этом «глобализирующем» исламском проекте угрозу для себя. Проблематичен он также и для лидеров, и элит национальных государств, поскольку признаёт только одну нацию — исламскую и только одно легитимное политическое решение — государство, созданное по законам Всевышнего.

Однако этот, казалось бы, предельно простой политический проект не объединил мусульман, а, напротив, вызвал к жизни процессы дробления среди самих салафитских групп. Эти процессы приводят к усилению мозаичности ислама, даже на относительной периферии исламского мира, а также в местах давнего его распространения (там, где есть довольно сильные формы так называемого «традиционного» ислама).

Рост мозаичности салафитского поля

В религиозной сфере происходят важные перемены. При активном участии Ирана растёт влияние шиитских групп, в первую очередь «Хизбаллы», а также фактическое усиление их противостояния с суннитскими силами. Суннитско-шиитские противоречия на наших глазах набирают новую силу. Это происходит на фоне уже упомянутого дробления суннитских групп, раздираемых противоречиями, когда всё более мозаичным становится салафитское движение, крайне популярное среди суннитской молодёжи.

Процессы дробления не обошли даже такие скрепленные политическим союзом с правительствами религиозно-политические движения, как ваххабизм. Пример ваххабизма особо показателен, поскольку он, как правило, изображается в виде монолита, который якобы существует в едином виде не только на территории Королевства Саудовская Аравия (КСА), где пользуется поддержкой властей, но и за его рубежами. На самом деле то, что происходит сейчас с ваххабизмом даже на Аравийском полуострове, хорошо иллюстрирует, какие динамичные перемены претерпевает современное салафитское поле.

Большую группу составляют так называемые классические ваххабиты, те, кто придерживается взглядов основателя движения Мухаммада ибн Абд-аль-Ваххаба, поддерживает королевскую власть, государственный строй КСА. Лидеры этой группы — в первую очередь муфтий КСА, шейх Абд аль-Азиз Ал аш-Шайх, шейхи Албани, Усеймин, Салих аль-Фаузан. Их взгляды

отличаются относительной умеренностью как в вопросах вооружённого джихада, так и в вопросах политической лояльности.

Другая группа, которая откололась от «классической» и критикует её, а также современный строй КСА, — это ваххабиты-«джихадисты». Эти люди разошлись с остальными ваххабитами в вопросе о методах, считают, что сегодня всем мусульманам без исключения необходимо вести оборонительный джихад, поскольку мусульмане якобы везде подвергаются агрессии. Именно на этом их подходе основана идеология «Аль-Каиды».

Саудовский режим вначале успешно вытеснял их за пределы королевства, например джихадисты помогли саудитам и американцам во время советского военного присутствия в Афганистане, распространились по другим странам. Однако к 2000-м гг. они стали покушаться на само КСА и его устои, что вызвало ответные репрессивные меры саудовского режима. И тогда начались репрессии в отношении их лидеров — королевские власти посадили в тюрьму шейха Мухаммада аль-Кахтани, известного мухаддиса шейха Сулеймана аль-Ульвана, шейха Абу Мухаммада аль-Макдиси. Последний — духовный наставник аз-Заркави, того, кто фактически стоял у истоков ИГИЛ/ИГ. Всех этих лидеров и их последователей обычно называют «хариджитами», подчёркивая не только их непримиримость и крайность в вопросах, касающихся веры и религии, но и их «сектантство». Конечно, по факту они сунниты, а не хариджиты, но в ситуации дробления и возникновения всё новых и всё более радикальных суннитских групп эта характеристика, носящая негативный смысл, становится популярной.

Ну и, наконец, еще одна группа, которая показывает, насколько динамично может меняться салафитское поле и насколько оно причудливо. Речь идёт о тех ваххабитах, которые находятся под влиянием известного проповедника из Катара — симпатизирующего «братьям-мусульманам» Юсуфа аль-Кардави. Яркими представителями этой группы являются шейхи Мухаммад аль-Ариф и Сальман аль-Ауда. Их можно условно назвать «ихванизированными» ваххабитами.

Описанные процессы, связанные с ваххабизмом, хорошо иллюстрируют картину «кипящего котла» идей, взглядов и подходов, которые охватили практически весь суннитский мир. Религиозная карта меняет цвета, она динамична. Надо понимать, что наличие «традиционного» имама в мечети вовсе не означает лояльности её прихожан — налицо феномен имамов, которые целенаправленно проповедают в сети Интернет.

Взлет «Исламского государства»

В таком бурлящем окружении на Ближнем Востоке в 2013–2014 гг. усиливается так называемое «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ), провозгласившее себя в 2015 г. просто «Исламским государством» (ИГ).

Корни ИГИЛ/ИГ уходят в созданную в 1999 г. иорданцем Абу Мусабом аз-Заркави группировку «Джамаат ат-тавхид ва-ль-джихад» («Общество единобожия и джихада») [7, р. 1]. В 2004 г., после того как аз-Заркави присягнул Усаме бин Ладену, группа была переименована в «Организацию основы джихада в Месопотамии» («Танзим каидат аль-джихад фи билад ар-рафидайн»), которая также была широко известна, в основном на Западе, как «Аль-Каида в Ираке». В январе 2006 г. она объединилась с несколькими группировками в «Совет Шуры моджахедов» (Mujahideen Shura Council). Основатель движения аз-Заркави был убит в июне 2006 г., а в октябре того же года «Совет Шуры моджахедов» совместно с несколькими другими джихадистскими группировками объявил о создании «Исламского государства Ирак» (ад-Дауля аль-Ирак аль-Ислямийя) [3]. Руководителями стали Абу Абдуллах аль-Рашид аль-Багдади и Абу Аййюб аль-Масри, после гибели которых в апреле 2010 г. лидером стал Абу Бакр аль-Багдади [5, с. 175].

8 апреля 2013 г. расширившая свои действия на территорию Сирии группировка стала называться «Исламское государство Ирака и Леванта»¹. Из-за организации «Джабхат ан-Нусра» («Фронт ан-Нусра»), которую «Аль-Каида» считала своим отделением, начались трения между ИГИЛ и «Аль-Каидой» [7, р. 4]. В 2014 г. произошёл окончательный разрыв.

29 июня 2014 г. организация объявила себя всемирным халифатом. Абу Бакр аль-Багдади был провозглашен халифом и «лидером всех мусульман». Его также стали называть «халифом Ибрагимом». Представители организации одновременно заявили, что теперь она будет называться

¹ ISI confirms that Jabhat al-Nusra is its extension in Syria, declares “Islamic State of Iraq and al-Sham” as new name of merged group // MEMRI. Special Dispatch № 5264. April 8, 2013. URL: <http://www.memri.org/report/en/print/7119.htm>

просто «Исламское государство», отбросив ненужную, как они считают, географическую привязку — что должно было подчеркнуть всемирный характер провозглашенного халифата².

Как минимум с 2004 г. группировка ставила своей целью создание государства именно в форме халифата, государства, которое управляется религиозными властями во главе с халифом, признающим преемником пророка Мухаммада, его «заместителем». Объявление халифом аль-Багдади в июне 2014 г. требовало серьёзных оснований, которые были изложены в специальном манифесте «Это обещание Аллаха», в котором новоявленный халиф провозглашён выходцем из семьи Пророка. В его полном имени особенно подчеркнуто, что он из племени курайш и рода хашим, как и пророк Мухаммад [6, р. 5].

Объявление аль-Багдади халифом формально давало ему право требовать полного подчинения всех мусульман мира. Опубликованный ИГИЛ манифест объявлял: «Законность всех эмиратов, групп, государств и организаций становится ничтожной через распространение власти халифата и прибытие его войск на их территории» [6, р. 5]. Такая формулировка фактически означала территориальные претензии ИГИЛ к России — поскольку в этом манифесте действующий на Северном Кавказе террористический «Имарат Кавказ» наряду с другими такими образованиями по всему миру фактически объявляется частью ИГИЛ.

Обоснование правомочности претензий аль-Багдади на халифат в упомянутом манифесте однозначно говорит об ИГ как о суннитской организации. Большинство экспертов определяет идеологию ИГ как «салафитскую», «салафитско-джихадистскую», или «суннитский исламизм». Но мы должны отдавать себе отчёт в том, что большинство салафитских группировок не признало ИГ не только халифатом, но даже считает этот проект антиисламским.

Эклектичный характер идеологии ИГ породил несколько взаимоисключающих версий о её корнях. В частности, некоторые эксперты считают, что ИГ и «Аль-Каида» якобы имеют корни в идеологии «Братьев-мусульман»³. Другие же полагают, что идеологические корни ИГ можно проследить не в идеологии «Братьев-мусульман» или «Аль-Каиды», а в идеологии ваххабизма. Об этом якобы свидетельствует широкое использование ваххабитских религиозных учебников в школах на территории ИГ⁴. Последняя версия имеет основания, однако ИГ пошла гораздо дальше своих предшественников, вызывая порой с их стороны проклятия за свою крайность.

В связи с влиянием на идеологию ИГ нам интересна группа ваххабитов-«джихадистов». Имея корни в этом крыле ваххабитского движения, идеология ИГ пошла настолько дальше, что даже отмороженные идеологи ваххабитов-«джихадистов» стали отказывать им в легитимности.

ИГ следует экстремистской интерпретации ислама, оправдывает насилие религиозными соображениями, а также объявляет всех, кто не принимает их интерпретацию ислама как неверных и отступников. Эта группировка, как и другие салафитские группы, говорит о необходимости возвращения к порядкам первых веков ислама, что нашло отражение в символах ИГ. В частности, на официальном флаге черного цвета расположена печать пророка Мухаммада со словами «Мухаммад посланник Аллаха», а над ней расположены слова «Нет Бога кроме Аллаха». Помимо прочего, это должно подчеркнуть, что ИГ является полным и единственным преемником халифата времен четырёх первых «праведных» халифов.

Как и другие салафитские группы, ИГ призывает освободить ислам от новшеств, наслонившихся за многие века его истории, поскольку они якобы противоречат его духу. Все последующие халифаты после первых четырех «праведных» халифов обвиняются в том, что отступали от чистоты первоначального ислама, внося в него различные «непозволительные» новшества. Современные мусульмане, которые, по их мнению, забыли Божественный Закон и следуют в большинстве своём светскому праву национальных государств, являются неверующими. Только халифат ИГ, считают его основатели, имеет легитимный характер впервые со времен «праведных» халифов.

В идеологии ИГ имеются также элементы эсхатологии: они в своей пропаганде утверждают, что ожидается прибытие исламского Мессии — Махди — буквально в ближайшее время. Идеологи ИГ избрали в качестве названия официального электронного издания название сирийского города Дабик, который в одном из хадисов назван местом последней битвы мусульман

² Боевики ИГИЛ заявили о создании халифата в Сирии и Ираке // Би-би-си. Русская служба. 2014 г. 30 июня. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2014/06/140630_isis_iraq_islamic_state

³ Ghaffar Hussain. Iraq crisis: What does the Isis caliphate mean for global jihadism? // The Independent. 30 June 2014.

⁴ Kirkpatrick, David D. ISIS' harsh brand of Islam is rooted in austere Saudi creed // The New York Times, 24 September 2014.

с «римлянами» (или, как выражаются идеологи ИГ, «крестonosцами»)⁵.

Идеология и практика ИГ подвергается жёсткой критике даже со стороны самых влиятельных джихадистских богословов. Они критикуют ИГ как насильственное, а его самопровозглашенный халифат как абсолютно ничтожный⁶. Салафитские джихадистские муфтии Аднан аль-Арур и ат-Тартуси вообще отказывают ИГ в принадлежности к суннитам, считая их отошедшими от суннизма и служащими антиисламским силам. Их даже называют созданиями «сионистов, крестonosцев и сефевидов», которые вносят смуту среди мусульман⁷.

Идеологию ИГ широко распространяет налаженная пропагандистская машина. Эта машина использует достижения так ненавидимой западной культуры, особенно Интернет. Пропаганда ведётся в социальных сетях, таких как Фейсбук, Твиттер, а также в популярных мессенджерах вроде Telegram. Широко используются в пропагандистских целях ролики с казнями.

Основные медиаструктуры – агентство «Аль-Фуркан», медиа-центр «Аль-Хаят», сетевой журнал «Дабик» и радиосеть «Аль-Баян». При том что материалы ИГ распространяются на 23 языках, русский язык является третьим по значимости (после арабского и английского).

Бывший ИГИЛ, а ныне ИГ представляет собой теократию. Оно возглавляется и управляется «халифом» (Абу Бакр аль-Багдади). Согласно шариатским положениям о государственном устройстве, при аль-Багдади образован кабинет советников, «маджлис уль-шура», то есть «собрание совета (Шура)». Этот совет (Шура) наделен также полномочиями следить за тем, чтобы действия всех органов власти в ИГ соответствовали его идеологии и пониманию шариата. Аль-Багдади назначил двух своих заместителей, Абу Муслима ат-Туркмани в Ираке и Абу Али аль-Анбари в Сирии. Местную власть на территории, контролируемой в Сирии и Ираке, представляют 12 губернаторов. Исполнительную власть в ИГ представляют так называемые «советы» по финансам, административный, военным делам, по делам закона, помощи «иностранным воинам», безопасности, разведки и масс-медиа.

Среди руководства ИГ преобладают иракцы, в значительной мере из-за активного участия в строительстве структур этой группировки бывших баасистов из режима Саддама Хусейна. Обладающие опытом государственного строительства и управления, прошедшие военную подготовку в СССР они внесли неоценимый вклад в укрепление структур ИГ в Ираке и Сирии. Привлеченные к государственному строительству иракские баасисты-сунниты сумели отладить простую и эффективную систему управления на контролируемых ИГ территориях.

Чётко налажена финансовая система ИГ. Налоговая служба немедленно устанавливается на взятых под контроль территориях. Налоги основаны на исламском праве: с мусульман взимается религиозный налог закят, ставка которого составляет 2,5 % в год с валют и драгоценностей или 10 % с урожая⁸. С иноверцев, например живущих в Сирии и Ираке христиан, которые оказались на контролируемых ИГ территориях, взимается подушный налог джизья. Этот налог взимается как плата за то, что государство рассматривает христиан как представителей категории «зимми», то есть покровительствуемых, которых оно обязуется защищать. В частности, в Мосуле ИГ обложил иноверцев джизьей в размере 100 000 динаров в месяц, что эквивалентно 80 долл. США⁹.

Де-факто столицей ИГ является город Ракка на севере Сирии. Американское издание «Уолл Стрит Джорнэл» считает, что к сентябрю 2014 г. на территориях, подконтрольных ИГ, проживало около 8 млн иракцев и сирийцев. На начало 2015 г. ИГ заявлял свои претензии на 24 «вилайята» (провинции), 12 из которых находятся на территории Сирии и Ирака.

Военно-политическая активность ИГ состоит в активном участии в конфликтах по всему миру и расширении своей террористической сети. Помимо гражданской войны в Ираке и Сирии, где ИГ расширил контролируемые территории в ходе наступлений в 2013 г. и особенно летом 2014 г., но затем постепенно теряет их, эта группировка стремится вступить в конфликты с участием исламистов по всему миру.

Конец 2014 – первая половина 2015 гг. проходят под знаком расширения географии присутствия ИГ, в основном через принесение присяги (арабск. *байат*) лидерами различных тер-

⁵ Why Islamic State chose town of Dabiq for propaganda // BBC. 17 November 2014. URL: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-30083303>

⁶ Kirkpatrick, David D. ISIS' harsh brand of Islam is rooted in austere Saudi creed // The New York Times, 24 September 2014.

⁷ Jihadist ideology: The slow backlash - sunni religious authorities turn against Islamic State // The Economist, 6 September 2014.

⁸ Следует иметь в виду, что налоговый год у мусульман лунный, который короче солнечного на 11 дней.

⁹ ISIS demands 'protection tax' from Mosul residents // RUDAW. 28.03.2015. URL: <http://rudaw.net/english/middleeast/iraq/28032015>

рористических групп. Этот процесс нарастал словно снежный ком: помимо уже упомянутых группировок в ноябре 2014 г., некоторые группировки «Талибана», такие как «Техрик е-Хилафат», присягнули ИГ; в декабре 2014 г. отдельные полевые командиры из Дагестана присягнули ИГ; в январе 2015 г. появились присягнувшие в Афганистане (в феврале 2015 г. в ходе ударов с воздуха был убит наиболее известный афганский сторонник ИГ Мулла Абдул Рауф); февраль 2015 г. принёс ИГ сотни сторонников в Йемене в лице присягнувшей группы «Ансар аш-Шариа»; в марте 2015 г. ИГ обрёл значительную силу в Нигерии, где исламистская группировка «Боко Харам» принесла присягу; тогда же ИГ присягнуло «Исламское движение Узбекистана».

На сегодня, несмотря на успехи антитеррористических коалиций, возглавляемых США и Россией, в возвращении территорий, занятых ИГ, расширение террористической сети ИГ можно оценивать как угрожающе успешное. Наверное, наиболее ярким подтверждением этого можно назвать террористическое нападение на выставку карикатур на пророка Мухаммада в городе Гарленд (штат Техас, США), которое осуществили 3 мая 2015 г. двое сторонников ИГ¹⁰, а также атаки 12 июня 2016 г. в Орландо¹¹ и 14 июля 2016 г. в Ницце. Рост террористической активности под «флагом» ИГ и за пределами Ближнего Востока, сетями и даже одиночками, которые ассоциируют себя с этой организацией, но напрямую с ней не связаны — один из трендов, который отвечает меняющейся политике новоявленного «халифата». Задача вывести активность за пределы Ближнего Востока, включить в свою орбиту всё большее количество стран и регионов — вот над чем работают террористы, налаживающие свои сети по всему миру. Это «стремление к внетеррито-риальности» [2, с. 38] создает проблемы и для России.

Вызовы для России

ИГ является серьёзным вызовом для Российской Федерации. Доля кавказцев, присоединившихся к ИГ, а также воюющих на его стороне, невероятно велика: она, по высказывавшимся на форумах оценкам самих салафитов, составляла на конец 2014 г. от 7 до 10 % воюющих. Если мы примем среднюю оценочную цифру на тот момент в 30 тыс. боевиков ИГ, то число кавказцев в рядах этой организации составляло от 2 100 до 3 000 человек. Причём большинство в составе этих кавказцев — представители российского Северного Кавказа; число выехавших из Грузии оценивается в 100 человек, из Азербайджана — от 400 до 500 (хотя эти цифры, конечно, в реальности могут быть в два-три раза больше). С Северного Кавказа уехало, по разным оценкам, от 2 до 7 тыс. человек; поток этот, к сожалению, не прекращается. Следует также учитывать, что молодые люди выезжают не только напрямую из регионов Северного Кавказа. Некоторые из них радикализируются и становятся экстремистами на российском Севере, а также в крупных городах Юга России, средней полосы, в Москве, Санкт-Петербурге, откуда уже и выезжают в Сирию. В частности, из Кизлярского района Республики Дагестан по состоянию на конец 2014 г. в Сирию уехало 15 молодых людей, из них как минимум 4 — из ХМАО, куда они мигрировали в поисках заработка.

ИГ становится привлекательным для молодых мусульман с Северного Кавказа не только в силу профессионального исполнения пропагандистских материалов. Молодёжь привлекают обещания социальной справедливости, которую она отчаялась добиться у себя на родине. Коррупция, клановость, отсутствие социальных лифтов и перспектив толкают молодёжь к поискам выхода в исламистской идеологии, в утопических проектах введения шариата для решения всех проблем общества, в котором она живёт. Если до этого экстремисты находили себя в рядах боевиков «Имарата Кавказ», то успешный взлет ИГ в 2013–2014 гг. оставил его в практически обезлюдившем состоянии — сотнями боевики покидали его ряды ради присоединения к ИГ. На территории Сирии и Ирака молодые мусульмане увидели реально контролируемую территорию, на которой объявлено исламское правление с якобы успешно работающими исламскими законами.

Анализ вербовочной деятельности ИГ на территории России говорит о том, что это не хаотичная, а вполне упорядоченная деятельность, имеющая свою стратегию. Вербовщики ИГ скорее всего имеют указания, кого следует вербовать в первую очередь. Большое внимание уделяется, например, айтишникам, нефтяникам, врачам — в первую очередь хирургам.

¹⁰ СМИ сообщили о причастности ИГ к нападению на выставку карикатур в Техасе // Lenta.Ru. 2015. 4 мая. URL: <http://lenta.ru/news/2015/05/04/texas/>

¹¹ ИГ взяло на себя ответственность за атаку на гей-клуб в Орландо // Lenta.Ru. 2016. 12 июня. URL: <https://lenta.ru/news/2016/06/12/responsibility/>

Сама сеть вербовщиков на территории России, к сожалению, становится всё более и более разветвлённой. Вопреки распространённому представлению об исключительной роли Интернета в вербовке сторонников ИГ, именно реальные вербовщики зачастую довершают агитацию из Интернета. Нередко вербовщики охватывают в своей деятельности огромные территории. Так, полевые материалы позволяют сделать определённые выводы о «челночном» способе их работы, когда сам вербовщик базируется, скажем, на Севере, но при этом совершает вылазки на Северный Кавказ или в крупные города России. Вербовщики снабжают «созревших» молодых людей инструкциями, как проехать на территорию ИГ, с кем связываться, как проникать через границу и т. д. Эта вербовочная сеть может рассматриваться и как зародыш будущей террористической сети ИГ в России.

Присоединившаяся к ИГ кавказская молодёжь набирается опыта, а также вписывается в выстраиваемую этой организацией мировую террористическую сеть. Для России одной из самых больших проблем станет их неминуемое возвращение. Кроме того, на самом Северном Кавказе происходят серьёзные перемены: «Имарат Кавказ» практически полностью вытеснен «Вилаят-ом Кавказ» ИГ. После уничтожения в апреле 2015 г. руководителя «Имарата Кавказ» Кебекова активное присягание командиров «Имарата Кавказ» аль-Багдади изменило суть этого террористического объединения: из самостоятельного оно превратилось в филиал ИГ.

Иными словами, мы получили террористическую сеть ИГ уже непосредственно на своей территории со всеми вытекающими последствиями. Одним из наиболее опасных станет смена террористической парадигмы на Северном Кавказе — террористы из «Имарата Кавказ» предпочитали не совершать террористических актов против мирного населения, нацеливаясь на силовиков и представителей власти. Сторонники ИГ, несомненно, привнесут в регион террористические методы с Ближнего Востока, включая самые дикие и варварские из них. Кроме того, победа сторонников ИГ приведёт к переориентации террористов на Северном Кавказе на другую террористическую сеть, которая создана ИГ, и представляет собой более мощное объединение, нежели сеть «Аль-Каиды» или других джихадистских движений.

Что в итоге и что делать?

Таким образом, «Исламское государство» представляет собой новое явление на политической карте мира, которое можно назвать «гибридным образованием». С одной стороны, оно представляет собой теократическое государство, с политической властью, контролируемой территорией, аппаратом управления, силовыми структурами, налоговой системой и т. д. Причем ИГ не скрывает целей расширения территории на весь мусульманский мир, создавая анклавов в таких стратегически важных странах, как Ливия или Египет. С другой стороны, ИГ наращивает свою террористическую составляющую, расширяя сеть террористических ячеек по всему миру, обращая особое внимание на те страны, в которых уже имеются воюющие с местными властями исламистские группировки. Руководство ИГ также сохраняет сетевую террористическую структуру организации на территориях, контролируемых в Сирии и Ираке, не позволяя ей сращиваться с псевдогосударственными структурами. Это позволяет организации не зависеть от судьбы территориально-политического образования в Сирии и Ираке, которое, например, может быть утеряно в итоге наземных операций коалиции.

Гибридный характер ИГ не позволит одержать над ним победу с использованием традиционных форм борьбы. Война 2006 г. в Ливане показала, что Ближний Восток вступил в эпоху асимметричных войн, когда вооруженная до зубов современная армия может потерпеть поражение от слабо вооруженной сетевой структуры вроде «Хизбаллы». То же самое можно говорить о ХАМАС на Палестинских территориях, хоуситах в Йемене, таким же может быть исход и в случае, если силы коалиции решатся на наземную операцию против ИГ. В интересах России устранение перспективных угроз. Следует активно участвовать в поисках путей ликвидации ИГ в сотрудничестве со всеми заинтересованными государствами.

Идеология ИГ, эклектичная и гибкая, позволяет привлекать радикальную молодёжь по всему миру. Её основу составляет джихадизм, направленность на ведение вооружённой борьбы до установления всемирного исламского государства — Халифата, который объединит не только населённые мусульманами территории, но и те земли, на которые идеологи ИГ смотрят как на «исторически мусульманские», такие как «Андалусия» (Испания и Португалия), «Хорасан» (Средняя Азия и Казахстан), Индия, Цейлон, Балканы, Крым, Кавказ.

То, что ИГ имеет территориальные претензии к России, говорит о повышенном внимании этой организации к налаживанию террористической сети в нашей стране. Активное участие наших сограждан не только в военных действиях, но и в вербовке новых боевиков в странах Европы, нашло отражение в пропагандистской машине ИГ, которая в качестве основного языка своих материалов наряду с арабским и английским широко использует русский.

Нацеленность ИГ на экспансию, как территориальную, так и путем проникновения в исламистские сети по всему миру и подчинения их своим террористическим целям, — основа военно-политической деятельности ИГ. Эта организация не стремится к признанию лидерами других государств, обращая аргументацию о своей легитимности только к мусульманам, а не к правительствам и мировому сообществу. Она создает ситуацию турбулентности на стратегически важном Ближнем Востоке, где многие государства находятся в уязвимом состоянии, в том числе, и по причине распространенности симпатий к идеалам ИГ среди суннитских поданных тоталитарных режимов региона.

Несмотря на известную автономность российских исламских сообществ, события на Ближнем Востоке оказывают на них серьёзное влияние. Динамика этих процессов противоречива: с одной стороны, наблюдаются негативные тенденции в виде создания филиала ИГ на Северном Кавказе, с другой — усложняющаяся картина российского ислама создаёт условия для более активного вовлечения официальных лидеров мусульман в дела местных общин.

Важно понять динамику процессов, происходящих с исламом в России. Исламское сообщество нашей страны находится в состоянии противоречивой трансформации, результаты которой все ещё неочевидны. Происходящее вслед за Ближним Востоком усложнение исламской мозаики в России, в свою очередь, создаёт сложности для государства, которое не привыкло иметь дело с такой фрагментацией мировой религии, достаточно рано структурированной им для облегчения взаимодействия путём создания духовных управлений мусульман (муфтиятов). После распада СССР реально авторитетными остались лишь несколько муфтиятов — остальные испытывают острую конкуренцию со стороны неформальных мусульманских лидеров, отсутствие официального статуса у которых является препятствием для нормального взаимодействия государства с возглавляемыми ими сообществами.

Становится актуальной проблема выработки чётких подходов в религиозной политике государства, учитывающих динамику происходящих в исламском сообществе процессов и фактическую мозаичность его состава. Переживающая глубокий кризис система духовных управлений мусульман не может быть единственной опорой государства и исключительным выразителем воли и чаяний мусульман страны. Для того чтобы конструктивно взаимодействовать как можно с большим числом мусульманских общин, нужно найти возможности интеграции в систему государственно-исламских отношений джамаатов, не входящих в духовные управления. Это не означает, что от системы духовных управлений надо отказаться, — они охватывают свою часть исламского поля страны, и этот потенциал нужно продолжать использовать. Вопрос в том, чтобы привлекать к сотрудничеству другую, всё более растущую часть исламского поля, долгое время остававшуюся за пределами партнёрских взаимоотношений из-за отсутствия официального статуса.

Как этого добиться без ущерба уже устоявшемуся взаимодействию государства с имеющимися структурами российских мусульман? Очевидно, что только через усиление внутриисламского диалога и сотрудничества, когда разнообразные общины мусульман и их лидеры будут воспринимать друг друга не как соперников, а как партнёров. Единственным критерием, по которому государство может отказывать мусульманским лидерам и общинам в легитимности, должна быть приверженность экстремистским идеям вооружённой борьбы с ним и отрицание его конституционного строя. Те же лидеры и общины, которые не занимаются распространением подобной идеологии и экстремистской деятельностью, должны быть партнёрами государства — наряду с «традиционными» лидерами и структурами.

Опыт 1990-х гг. показал, что соперничество между мусульманскими лидерами и общинами шло в основном по вопросу лидерства и власти. Одним из путей снижения конфликтности в мусульманских сообществах регионов может стать усиление коллегиальности в муфтиятах с включением в советы мусульманских ученых при духовных управлениях и неформальных мусульманских лидеров. Примеры успешного использования этого принципа, которые вели к снижению конфликтности и интеграции неформальных лидеров в систему государственно-исламских отношений, есть, и их надо широко использовать на практике. Например, богатый опыт в этом отношении накоплен в Совете муфтиев России во главе с Равилем Гайнутдином.

В целом же последовательная импликация принципа равноудалённости государства от всех организаций мусульман должна помочь в утверждении принципов светскости, которые в реалиях некоторых районов Северного Кавказа сильно пошатнулись. Запреты и репрессии в этой сфере не помогут. Одним из самых действенных путей представляется активное включение государства в сферу правовой конкуренции. Если мусульмане увидят, что светское право предлагает справедливое решение, например, земельных проблем, то они не будут пытаться применять шариатские нормы, тем более что до сих пор здесь имеет место дефицит сильных знатоков исламского права. Именно такой путь сужения применения обычного и религиозного права и расширения применения светского права видится наиболее реалистичным.

В связи с последними изменениями на Ближнем Востоке, когда ИГ теснят по всем направлениям, и это террористическое образование активизирует свою деятельность по развитию собственных международных сетей, крайне важно не допустить усиления действующего в нашей стране террористического подполья. Вместо «Имарата Кавказ» на Северном Кавказе становится актуальной новая террористическая группировка, входящая в провозглашенную ИГ «Провинцию Кавказ», которая уже получает финансирование с Ближнего Востока. И хотя количество активных боевиков мало, череда террористических атак в Дагестане с конца 2015 г. показала, что они стремятся развернуть террористическую войну против России на её территории под новым «брендом». Не стоит также забывать о вербовочной сети ИГ, которая опутала всю территорию России. Иными словами, перед возможными террористическими актами уязвимы не только республики Северного Кавказа, но и другие регионы России. Выявление и ликвидация вербовочных сетей и «спящих» ячеек террористов, наряду с перекрытием их финансирования, представляется одной из важнейших задач на сегодня.

Для налаживания и координации террористической активности на территории России ИГ может предпринимать конкретные шаги. В частности — это возврат части боевиков с Ближнего Востока на территорию России. Их опыт и навыки, полученные в ходе участия в боях, а также знание российской специфики, сохранившиеся связи в местных террористических сетях слишком ценны, чтобы ИГ не попыталось этим воспользоваться. Устанавливать заслоны на их пути необходимо по всем возможным направлениям, в том числе в тесном сотрудничестве с теми самыми «нетрадиционными» общинами мусульман.

Одновременно встает сложный и болезненный вопрос реинтеграции успевших вернуться с Ближнего Востока российских граждан. Очевидно, что значительная часть возвратившихся из ИГ молодых мусульман — это действительно разочаровавшиеся люди, искренне сожалеющие о своём ошибочном выборе. Но есть и те, кто вернулся с совершенно определёнными целями — налаживать сеть сторонников ИГ и даже просто создавать так называемую «спящую» ячейку, которая может сработать в нужный момент.

Если говорить о методах возвращения к мирной жизни, то в первую очередь необходимо прекратить практику выдвливания из страны на Ближний Восток радикальных мусульман. Эта методика, позитивно сработавшая перед Олимпиадой в Сочи, стратегически ошибочна и вредна. Выходцы из России пользуются большим спросом как боевая сила, они получают опыт и выучку, которые могут быть использованы затем уже непосредственно против нашей страны. Поощряя отъезд радикально настроенных молодых людей, мы можем косвенно способствовать усилению террористических группировок, пополняя их необходимой живой силой.

Радикальные мусульмане из России концентрируются в разных странах Ближнего Востока, представляя собой потенциальную религиозно-политическую силу, явно «не страдающую» симпатиями к нашей стране. Необходимо сосредоточиться на дерадикализации мусульманской молодёжи. Успеха в этом направлении можно добиться только комплексными мерами, которые не ограничиваются формальными мероприятиями, а касаются значимых для молодых людей сфер, в том числе и социально-экономической.

"Islamic State" and the North Caucasus in the Middle East Perspective: Challenges to and Lessons for Russia

Akhmet Yarlykapov, PhD (Cand. of Sci., History), Senior Researcher
Center for Caucasian Studies and Regional Security,
Institute for International Studies, MGIMO University.
119454, 76 Vernadsky Ave, Moscow. E-mail: itbal@mail.ru

Summary

The author considers, in the broad Middle East perspective, the impact of the ISIS and its activities on the situation in the North Caucasus. An analysis is suggested of the recent trends in Russian Islamic community and in the whole Ummah as well as challenges to Russia from the ISIS. The article also proposes some recommendations aimed to reduce security threats to our country.

Keywords: *ISIS, Caliphate, Jihadism, North Caucasus, Islam, Middle East, Salafism, "Caucasus Emirate", "Caucasus Wilayah".*

Литература / References

1. Бобровников В. О., Ярлыкапов А. А. Ваххабиты Северного Кавказа // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Под ред. С. М. Прозорова. – М.: Восточная литература, 2006.
2. Вавилов А. И., Зинин Ю. Н., Казанцев А. А., Крылов А. В., Орлов А. А., Федорченко А. В., Чечевшиников А. Л., Ярлыкапов А. А. «Исламское государство»: феномен, эволюция, перспективы / Под рук. А. А. Орлова // Серия «Аналитические доклады». – М.: ИМИ МГИМО. 2016. № 1 (45). 43 с.
3. Нечитайло Д. А. Ирак: от «Аль-Каиды» к исламскому государству Ирак // Институт Ближнего Востока. 7 апреля 2007 г. URL: <http://www.iimes.ru/?p=5621>
4. Торкунов А. В. За что мы воюем в Сирии? // Историк. Журнал об актуальном прошлом. 2015. № 11.
5. Федорченко А. В., Крылов А. В. Феномен «Исламского государства» // Вестник МГИМО. – М.: Изд-во МГИМО-Университет, 2015. № 2. С.174–183.
6. "This is the promise of Allah". Alhayat Media Center. P. 5. URL: <http://msnbcmedia.msn.com/i/MSNBC/Sections/NEWS/z-pdf-archive/20140629-isil-manifesto.pdf>
7. Zelin, Aaron Y. The War between ISIS and al-Qaeda for Supremacy of the Global Jihadist Movement // The Washington Institute for Near East Policy. Research Notes. Number 20 – June 2014.